

Алесь Куламеса

Умереть за Родину

До отпуска оставалось всего два дня. Чемоданы уложены, билеты куплены, номера забронированы. Канарейку, как всегда, сдали на хранение бабушке.

Вот тогда-то всё и началось.

Отец пришёл со службы неожиданно рано — около десяти. Я только-только встал и завтракал на кухне, глядя «Футураму» по DVD. Отец прошёл, не разуваясь, на кухню, сел на табурет, положил тяжёлые кулаки на столешницу. Молчал. Смотрел перед собой угрюмым, мрачным взглядом.

Я от этого взгляда чуть не подавился, поэтому отодвинул тарелку с яичницей и спросил:

— Что случилось, папа? Что-то с бабушкой?

Он встрепенулся:

— А что с Марией Владимировной?

— Ну, ты же вчера говорил, что ей не здоровится. Может...

— Нет, — перебил он меня, — с ней всё в порядке.

Он снова замолчал. А я не знал, что и как спросить. Папа с трудом поднялся, достал из бара на стенке бутылку водки и плеснул в кружку. Выпил одним махом и даже не поморщился. Потом повернулся ко мне и сказал:

— Война, сын. Вот что случилось. Включи ТВ.

И пошёл в спальню.

Я схватил пульт и переключил телевизор с DVD на ТВ. На «Первом канале» шли новости. Ведущая Марина Агапова сидела, напряжённо выпрямившись, и зачитывала что-то с бумаги. Через секунду появился звук:

— ... войны посол Петер Йохансон сделал сегодня в восемь утра по столичному времени. Он передал официальную ноту министру иностранных дел Виктору Приходько. Причиной войны названо необоснованное с точки зрения Евросоюза повышение цены на энергоносители. Нашей стране был выдвинут ультиматум: снижение цены на

треть в этом году и ещё на четверть — в следующем. И в дальнейшем Евросоюз настаивает на том, что именно он будет регулировать цену на наши энергоносители. Президент назвал это требование неприемлемым. В прямом обращении к народу он заверил граждан, что не уступит наглым захватчикам. «Наша армия как никогда сильна и мы дадим отпор врагу, так же, как делали это наши предки», — сказал президент. Напоминаю, что за прошедшие два часа военный взаимозачёт выглядит так: двести солдат Евросоюза и триста наших воинов. Плюс четыре с половиной сотни мирных жителей. Министр обороны выразил надежду, что потери с нашей стороны заставят противника одуматься и прекратить конфликт: «Возможно, они поймут, что наш народ готов защищать свою страну до последнего человека и не испугается никаких жертв, лишь бы отстоять свою свободу. Думаю, через несколько дней мы сможем сесть за стол переговоров».

Буквально через полчаса после его выступления у военкоматов стали появляться добровольцы, желающие вступить в армию. Они требуют отправки к пунктам взаимозачёта. Многие несут государственные флаги. Военные пока отправляют добровольцев по домам, так как предполагают, что конфликт будет быстротечным и армия обойдётся своими силами. В военкомате Северо-западного округа столицы побывал наш корреспондент, Никита Арбатов. Передаю ему слово...

Я убрал звук, потому что вошёл отец. Он был в парадной форме и держал в руке чемодан.

— Слышал?

— Слышал.

— Тогда собирайся. Нашу часть переводят на казарменное положение. Возможно..., — он запнулся и снова посмотрел на водку, которую так и не убрал в бар.

— Что «возможно»?

Отец оторвал взгляд от бутылки и сказал хрипло:

— Ходят слухи, что нас могут перебросить к зачётнику. Если война не закончится в ближайшее время.

— Правда? — вскочил я. — Вот здорово! Всегда об этом мечтал!

Отец посмотрел как-то странно и, резко повернувшись, вышел из кухни. Я услышал, как он открыл сейф, где хранил мамины драгоценности и какие-то свои документы. Потом зажужжали замки чемодана, и отец вернулся на кухню.

— Что-то забыл?

— Да, решил взять кое-что, — голос у отца был холодный и сухой. Точно такой же, как четыре года назад, когда маму насмерть сбила машина, и он приехал забирать меня из летнего лагеря. Мне тогда только-только двенадцать исполнилось.

— Что-то мамино?

— А? Да-да, мамино..., — отец отвернулся и смотрел на открытый шкаф-купе в прихожей, где висели наши куртки, — У тебя есть что-нибудь без звезды?

«Без звезды» — это значит без метки в виде пятиконечной звезды

жёлтого цвета, которые на видных местах одежды всегда носили члены семей военных. Так предписывал «Закон о воинской службе» — папа мне рассказывал в детстве. Пока папа не женился, такие звёзды носили его родители и старший брат. Потом — мама. А когда родился я, армия сделала отцу подарок — выдала коляску и комплект курточек, комбинезончиков и прочей детской одежды. И на каждой вещи — крупная жёлтая звезда. Сам отец, если он был не в форме, носил на одежде звезду красного цвета, чтобы все издалека видели — идёт военный, человек, который готов отдать жизнь за свою страну.

— Откуда?..

— Ладно, надевай что хочешь, бери свою сумку, и идём. Ты ведь всё сложил?

— Ага, только зубную щётку не взял.

— Хорошо. Возьми — и идём.

Я закинул в сумку туалетные принадлежности, пару дисков, которые купил накануне, и натянул кроссовки.

— Я готов.

— Тогда пошли.

Отец окинул взглядом квартиру, задержавшись на большой фотографии мамы, висевшей в зале, но видной даже из прихожей. Этот снимок папа сделал за день до гибели мамы. Они отдыхали на Гавайях, как всегда. Каждый год они отправляли меня в летний лагерь и летели вдвоём на Гавайи. Это был вроде как медовый месяц. Вот только тогда он закончился на четвёртый день — пьяный водила сбил маму на глазах у папы. Отец сделал портрет после сорока дней и специально его так повесил. Чтобы видеть маму, приходя домой. «Как будто встречается», говорил он.

— Ну, может и вернёмся, — прошептал он так тихо, что я едва слышал. Расслышал и понял — он сказал это для себя. И для маминого портрета.

— Давай, сын, — сказал он громко и бодро, — поехали. К часу нужно быть в части.

В машине отец поставил диск с испанской гитарой и стал рассказывать несмешные анекдоты. Я для вида смеялся, но видел, что папа думает о чём-то своём.

Мы неожиданно остановились. Я чуть не стукнулся о лобовое стекло, потому что, как всегда, не пристегнулся. Отец, не говоря ни слова, вышел из машины и направился к банкомату. Через пару минут папа вернулся, запихивая в бумажник толстенную пачку тысячных купюр.

— На всякий случай, — сказал отец, перехватив мой изумлённый взгляд.

— Какой случай?

Папа не ответил. И музыку выключил. До самой части мы ехали молча, при этом отец держал себя так, словно меня рядом не было. Только уже подъезжая к части, отец вполголоса произнёс:

— Ну и хрен с ним, звёзды всегда можно срезать.

В части мы поселились в отдельном двухместном номере — отцу, как офицеру, полагается по званию. Если бы он был не майором, а хотя бы подполковником, то нам бы дали номер с джакузи. Но и так не плохо — мультивизор, кондиционер, ионизатор воздуха, ванная с круговым душем и мини-сауной. Ну и интерьер соответствующий. Не в каждом отеле можно найти такой номер. В армии же все жилые помещения были сделаны по высшему разряду. Минимум — три звезды, если сравнивать с гостиницами. А ещё во дворе каждой части — открытый бассейн. И закрытый, для холодного времени суток. Словом, государство всячески заботится о своих защитниках. Не мудрено, что многие так стремятся в армию. В последнее время — сам слышал в новостях — устраивают конкурсные отборы, как при поступлении в университет.

Тем более что места в военных частях очень много. После того, как в октябре сорок шестого года все страны мира приняли закон о разоружении и следом — положение о взаимозачётной схеме, звание «рядовой» в нашей армии отменили. Остались только ефрейторы, сержанты и выше. В остальных армиях мира сделали так же. А США отменили и сержантов — Штаты и здесь захотели быть впереди всех.

Вместе со званиями, за ненадобностью, упразднили и боевые награды. Оставили только за выслугу лет, отличную службу и всё такое. Ветеранам награды, конечно, тоже оставили. А выплаты за ранения и пенсии — утроили. После разоружения это перестало быть проблемой — денег в государстве появилось очень много, ведь расходы на оборону сократились более чем в восемь раз.

Отец кинул сумки на кровать и ушёл в душ. А я сразу же включил телевизор.

На «Первом» по-прежнему шли новости. Агапову сменил другой ведущий — Юрий Симонов. Он выглядел гораздо бодрее своей предшественницы и уверенно читал текст:

— ...теперь на каждом пункте взаимозачёта в нашей стране есть комиссия наблюдателей из ООН. Их задача — следить за тем, чтобы взаимозачёт шёл честно. Точно такие же комиссии заняли свои места на пунктах противника. Многонациональный состав комиссий, куда включены представители разных государств, гарантируют непредвзятое, беспристрастное и объективное наблюдение за процессом взаимозачёта. Наш корреспондент Аркадий Волков пообщался с главой комиссии ООН по нашей стране...

Это было неинтересно, и я переключил на другой канал:

— Мы наблюдаем за отправкой Кантемировской дивизии к пункту взаимозачёта. Приказ поступил всего час назад, но дивизия уже пришла в движение. Один полк отбыл, сейчас заканчивается погрузка второго. Провожать бойцов пришли сотни людей.

На экране появились молодые парни, которые сидели в открытых кузовах грузовиков и весело улыбаясь. Им бросали цветы, девушки старались дотянуться, чтобы поцеловать. Солдаты хохотали и свешивались с бортов, подставляя губы.

— Как вы можете видеть, — продолжал рассказывать невидимый журналист, — бойцы полны энтузиазма и с радостью готовы отдать свои жизни за свободу нашей Родины. Почти все из них ещё не женаты, поэтому вместе с ними на пункты взаимозачёта отправятся их родители и братья с сёстрами. Они грузятся в поезд в километре отсюда. Разумеется, на пункте взаимозачёта, они встретятся. Нам удалось поговорить с родителями одного из солдат. Они ещё не отправились, но ждут своей очереди с нетерпением.

В кадре появился седоватый мужчина, держащий под руку небольшую женщину. Рядом с ними стоял, широко улыбаясь, парень с нашивками сержанта.

— Мы гордимся тем, что наш сын — солдат! — срывающимся от волнения голосом произнёс мужчина. — И очень рады, что сможем быть с ним рядом, когда он будет отдавать свой долг стране. Это ведь прекрасно — умереть за Родину! Правда, дорогая?

Женщина молча кивнула. В глазах её стояли слёзы, но она нашла силы улыбнуться. Сына камера не показала.

Шум голосов и моторов перекрыла мелодия «Прощание славянки», которую заиграл военный духовой оркестр. Машины тронулись. Люди бежали за ними, кидали солдатам оставшиеся букеты, что-то кричали. В ответ с грузовиков махали руками и смеялись.

Я позавидовал им. Если мы отправимся к зачётнику, то меня вот так по ТВ не покажут — я поеду на поезде, как член семьи военного. Чтобы ехать на грузовике, нужно быть солдатом. А что, если...

Вошёл отец.

— Папа! — подскочил я к нему. — Папа! Я хочу тебе кое-что сказать!

Отец присел и повернулся ко мне:

— Я тебя слушаю.

— Пап, а как ты смотришь на то, чтобы я тоже стал солдатом? Как ты!

Отец отреагировал на удивление спокойно. После его странного поведения утром, я ожидал более бурной реакции. Однако он достаточно спокойным голосом спросил:

— Зачем?

— Ну, — замялся я, подыскивая слова. Сложно вот так сразу взять и объяснить это желание. Просто я знал, что это будет правильно. — Понимаешь, если нашу часть вдруг отправят на взаимозачётник...

— То тебя отправят следом, вместе с остальными, — перебил меня отец, едва сдерживая раздражение. — Я не хочу разговаривать на эту тему. Кроме того, тебя не возьмут из-за возраста.

— Но ты сам рассказывал, как мой дед пошёл на фронт, когда ему исполнилось шестнадцать. Чем я хуже него?

Отец резко вскочил и шагнул ко мне, я инстинктивно отшатнулся. Он замер, потом торопливо сел обратно.

— Тогда было другое время, — его голос звучал глухо, он словно выдавливал из себя слова, — немцы рвались к Москве, и их нужно было остановить любой ценой. Сейчас всё не так. Совсем не так...

Глядя на грустное, можно даже сказать скорбное, лицо отца, я вдруг понял, почему хочу стать солдатом.

— Пап, — я подошёл к отцу, — я просто хочу быть рядом с тобой. Когда нас повезут туда, я хочу быть рядом.

Отец поднял голову, и мне показалось, что он готов заплакать. По крайней мере, его глаза странно блестели. Не уверен, возможно, просто почудилось — ведь отец не плакал, даже когда умерла мама.

— Спасибо, сынок, — сказал он тихо и крепко сжал мою руку, — кроме тебя у меня никого не осталось.

Захотелось обнять его, чтобы он понял, как я люблю его, но отец не признавал таких нежностей. Поэтому я просто ответил на его пожатие.

Какое-то время мы молчали. Потом отец отпустил мою руку и поднялся.

— Давай поговорим о твоём желании позже. Может, нас куда-то отправят. Идёт?

Я кивнул. Может и правда, к чему торопиться? Всё же отец лучше знает, что и как надо делать.

— Вот и хорошо. — Отец посветлел. — Мне нужно идти — служба. В шесть часов будет общий ужин, а до этого времени, думаю, ты найдёшь, чем себя занять.

Он надел фуражку и сказал:

— Если ты голоден, то можешь сходить на кухню. Скажешь, что мой сын. Тебе обязательно что-нибудь дадут.

— Да не хочется пока.

— Понимаю. Если что, ищи меня в штабе. Только по пустякам не дёргай, хорошо?

— Да ладно тебе, пап, я ж не маленький, всё понимаю.

— Молодец. — Отец улыбнулся. — Тогда до вечера. Пока, сын.

— Пока, пап.

Отец вышел. Я собирался снова включить мультивизор, но ноги сами собой вынесли на балкон. Внизу, на крыльце, появился отец, и, не поднимая головы, зашагал прочь. Он быстро затерялся среди людей, и я потерял его из виду.

Сегодня в части было непривычно много народу. Обычно здесь одновременно размещалось не более сотни военных, в основном ефрейторы и сержанты. Иногда — офицеры, которые не хотели тратить-ся на жильё в городе.

Теперь же по дорожкам, покрытым фигурной тротуарной плиткой, туда-сюда сновали толпы народу. И военные среди них встречались не так уж часто. Зеленоватый цвет кителей почти терялся за разнокалиберными жёлтыми звёздами. Эти знаки носили и мужчины и женщины всех возрастов, дети, и даже на колясках грудничков сияли жёлтые лучи.

А люди всё пребывали. Приезжали на специально выделенных армейских автобусах, на автомобилях.

Надо сказать, что зрелище было потрясающее — кругом звёзды, звёзды, звёзды! Аж в глазах рябило. И люди — все такие счастливые, праздничные! И ведь совсем не факт, что нашу часть отправят к зачётнику, а они всё равно радуются. И от их улыбок мне тоже очень хорошо стало. Захотелось общения, встреч, разговоров и смеха. Я накинул куртку и выбежал на улицу.

Чтобы разместить всех прибывших в часть, ужин устроили в спортзале, поставив столы буквой «П». Я сел с новыми знакомыми — симпатичной брюнеткой Ниной и её братом Витей. Они прибыли незадолго до нас, их папа служил заместителем по воспитательной части. Мы сидели отдельно от родителей, среди других гражданских, потому что даже в таких случаях военным полагалось есть отдельно.

Отец вошёл, отыскал меня взглядом и кивнул. Я помахал ему рукой и принялся за еду. В военных частях всегда кормили отменно, но на этот раз повара превзошли сами себя. Они сделали ужин в традициях русской кухни: уха и щи, блинчики с разнообразнейшей начинкой,

бефстроганов с гарниром из гречки, расстегаи, морсы. Я проголодался, поэтому ел быстро и с аппетитом, изредка отвлекаясь, чтобы перебраться парой слов с Ниной и Витей.

Перейдя ко второму, я заметил, что к командиру части, полковнику Борисову, который сидел за средним столом, подбежал усатый капитан и протянул бумагу. Пока Борисов читал, на его лице последовательно сменилось раздражение, удивление и что-то среднее между радостью и спокойствием. Закончив чтение, полковник поправил китель, проверил, застёгнута ли пуговица на воротнике и резко встал.

Его заметили, и постепенно лёгкий шумок, висевший в зале, стал стихать. Полковник дождался полной тишины, откашлялся и начал, слегка волнуясь:

– Товарищи офицеры! Уважаемые члены их семей – матери, отцы, жёны и дети! Мне выпала честь сообщить, что пришла наша очередь.

Он сделал паузу и провёл взглядом по притихшим людям. На их лицах он мог прочесть только то же, что и я, – спокойствие и воодушевление.

– Только что пришёл приказ из штаба, – продолжал Борисов окрепшим голосом, – завтра нашу часть перебрасывают к зачётнику. Погрузка начнётся в восемь ноль-ноль. Нам с вами, друзья, досталась участь нелёгкая и почётная. Мы все и всегда готовились к этому моменту. И, тем не менее, сложно встретить такой приказ спокойно. Мы, солдаты, давали клятву защищать Родину ценой своей жизни. Вы, наши близкие, хоть и не давали такой клятвы, но всегда рядом с нами, тем более в такие минуты. Для гражданина и патриота нет ничего более почётного, чем отдать свою жизнь за счастье и свободу своей страны. Когда-то кто-то сказал: «Не спрашивай, что Родина может сделать для тебя. Спроси, что ты можешь сделать для неё». Наша Родина сделала для нас всё, что могла и даже больше. Теперь пришло время отдать ей наш сыновний долг.

Полковник перевёл дух и взял стакан:

– Пусть здесь всего лишь морс. Это не важно. Когда пьёшь за свою страну, важна только искренность. Я хочу поднять этот стакан за нашу страну, за нашу Родину. За её процветание и счастливое будущее. За Родину!

В этот момент из громкоговорителей рванулся гимн, и все мы, как один, вскочили и, подхватив стаканы да кружки, замерли. От звуков нашего гимна у меня всегда по спине пробегали мурашки. А сегодня просто всё тело, всё моё существо охватил невероятный, восхитительный трепет. Хоть у меня и нет голоса, я всё равно пел, и казалось, что лучше петь никто не может. И невозможно описать восторг и счастье от того, что рядом стоит с полтысячи твоих соотечественников и вдохновенно поют гимн твоей страны.

Взглядом я отыскал отца. Он стоял и пел, как и прочие, но на его лице не было радости, а губы двигались совсем не так, как у осталь-

ных. Он не пел, а шептал совсем другой текст. Непонятно какой именно, но точно — не слова гимна. Поведение отца поразило меня настолько, что я замолчал и опустил стакан. Но, перехватив удивлённый взгляд Вити, спохватился и продолжил петь. Чисто машинально, не задумываясь над текстом.

Меня беспокоило поведение отца. Он всегда учил любить свою страну, и невозможно было представить, что мой отец, кадровый офицер, потомственный военный, удостоенный нескольких наград, мог в такой момент не петь гимн своей страны. Страны, которой он присягал. Это просто невозможно! Легче поверить, что Солнце и Луна поменялись местами.

Гимн закончился, и это прервало мои размышления. Полковник отпил из стакана и сел. Его примеру последовали все остальные. Спустя пару минут, переговорив с несколькими офицерами, полковник поднялся и, напомним всем о времени начала погрузки, удалился. Мой отец последовал за ним.

Я спешно доел, на скорую руку попрощался с Ниной и Витей и со всех ног побежал к нам в номер, надеясь переговорить с отцом. Конечно, в номере его не оказалось, и я решил подождать. Снаружи звенели голоса, играла музыка, слышался смех, а я ждал отца. С ним что-то не так, это очевидно. Но в чём дело? Увы, ответить на этот вопрос никак не получалось. Возможно, стоило поискать отца, но, скорее всего, сейчас он очень занят. Уж лучше ждать его здесь.

Отец появился только за полночь, когда голоса на улице немного стихли. Он осторожно вошёл в комнату и притворил дверь, стараясь не шуметь. Я сидел без света, поэтому он заметил меня, только щёлкнув выключателем.

— Не спишь?

— Не сплю, — ответил я из-под руки, которой заслонился от яркого света.

— Это хорошо, — сказал отец, — собирайся, мы уезжаем.

— Куда? — изумился я. — Ведь завтра...

— Да, завтра, а если точнее, то уже сегодня, нашу часть перебрасывают к зачётнику, — отец был спокоен, но глаза у него были странные — напуганные и решительные одновременно, — а меня — и тебя, соответственно — переводят в другую часть. Так решил полковник...

— Но, папа, а как же переброска к зачётнику?

— Зачётник подождёт! — Сверкнул глазами отец. — Приказы — не обсуждают. Собирайся!

— Но...

— Живо!!! — рявкнул отец, и я, помимо своей воли, тут же кинулся к сумкам.

Я испугался, потому что отец очень давно не кричал на меня. Если до гибели мамы он вполне мог прикрикнуть или отвесить мне подзатыльник, то после он ничего такого себе не позволял. Можно сказать, он стал обращаться со мной очень бережно.

Я лихорадочно побросал вещи обратно в сумку и выскочил из но-

мера. Отец прихватил чемодан и вышел следом. Он не запер дверь на замок, это было странно, но я побоялся говорить ему об этом. Мы спустились вниз. Народу почти не было, а редкие прохожие, в основном — занятые друг другом парочки, совершенно не обращали на нас внимания. Тем не менее, отец шёл так, чтобы по возможности находиться в тени.

По приезде, отец не стал загонять машину с гараж, а оставил на открытой стоянке. Теперь это очень пригодилось — автомобили стояли везде, буквально один на другом, и я не уверен, что мы смогли бы выехать.

Отец завёл машину и медленно стал лавировать между другими автомобилями, двигаясь к воротам. Он ехал без света, выключив фары.

— Пап, — начал я, — а почему...

— Цыц, — шикнул он на меня, — не твоего ума дело!

Я замолчал. Теперь я испугался по-настоящему. Мне вдруг показалось, что отец не в себе. По крайней мере, таким я его никогда не видел.

Всё так же, не включая фар, мы подкатили к воротам. Отец остановил машину и, сунув руку за пазуху, замер. На КПП горел свет, но внутри никого не было. Отец немного подождал, потом вышел из машины. Он зашёл внутрь строения, и через секунду ворота дрогнули и стали разъезжаться.

— Надо же, как повезло, — пробормотал отец, вернувшись в машину и трогаясь с места, — впервые в жизни радуюсь отсутствию дисциплины.

Выехав за пределы части, отец включил фары и поехал гораздо быстрее. Выбравшись на трассу, он и вовсе помчался стрелой.

Несмотря на довольно-таки рискованную скорость и необходимость уделять всё внимание дороге папа расслабился. Он расстегнул ворот, достал из бардачка между сиденьями смятую пачку сигарет и с видимым наслаждением закурил. Потом включил проигрыватель со своей любимой испанской гитарой. Стал тихо насвистывать в такт мелодии.

В этот момент я понял, что гроза миновала и отец — снова прежний. Поэтому я рискнул спросить:

— А в какую часть нас переводят?

Отец улыбнулся и подмигнул:

— А разве это важно, сынок?

Я улыбнулся в ответ:

— Просто интересно.

Отец кивнул, затянулся сигаретой и ответил:

— Тогда давай я скажу так: приедем — увидишь. Идёт?

— Идёт. А ехать далеко?

— Ну, — протянул отец, — надеюсь, к утру будем. Так что спи пока. Музыка сделать тише?

— Не надо, папа, — сказал я, устраиваясь поудобнее на сиденье, — и так засну.

— Ну хорошо, сынок, — тихо сказал отец и всё таки уменьшил громкость. Как всегда.

«Он неисправим», — успел подумать я, прежде чем провалиться в глубокую дрёму.

Я проснулся из-за того, что болела затёкшая шея. За окном уже серели предрассветные сумерки.

— Доброе утро, — произнёс отец, — правда, здорово вот так, вдвоём, ехать навстречу рассвету? Согласись, что-то в этом есть.

Я посмотрел на него искоса, но ничего не ответил.

— Выспался? — поинтересовался отец.

— Так себе, — я потянулся и снова зевнул.

Отец, несмотря на то, что всю ночь провёл за рулём, совершенно не выглядел утомлённым. Напротив, он казался бодрым и свежим, словно хорошо ночью поспал. А ещё — очень счастливым.

Отец перехватил мой взгляд и подмигнул:

— Не расслабляйся, нам ещё долго ехать.

И тут я заметил то, на что раньше не обращал внимания, — дорогу, по которой мы ехали. Это не был автобан или шоссе. Впереди между рыжими стенами соснового леса петляла узкая линия, засыпанная сухими иголками. Обычный просёлок, по которому ездить можно только летом и то — на внедорожнике вроде нашего ВАЗа или каком-нибудь Лэндровере.

— Пап, а где мы?

— В машине, где же ещё.

— Серьёзно, пап. Почему мы по лесу едем, а не по нормальной дороге.

Отец пожевал губу и спросил:

— Если я тебе скажу, что так быстрее, ты мне поверишь?

— Нет. Ко всем частям ведут хорошие дороги, и ты это знаешь, — я снова стал волноваться за отца; кажется, у него ничего не прошло. — Куда мы едем?

Отец перестал улыбаться. Он замедлил ход машины и спросил:

— Ты в самом деле хочешь знать?

Я кивнул.

— Мы едем на Алтай, к моему другу. Он лесник.

— Чего??? Пап, причём здесь Алтай? Тебя же в другую часть перевели.

— Никуда меня не переводили. Просто я решил до поры до времени не говорить тебе правды.

— Какой правды, пап? О чём ты?

— Да о том, дурья башка, что я не хочу тебя потерять! — вспылil отец.

Я отшатнулся к дверце.

— Я не допущу, чтобы ты попал в зачетник, понимаешь? Ты — это всё, что у меня есть, и я не могу допустить, чтобы ты умер. Мы уедем на Алтай, спрячемся в горах, и никто нас не найдёт. В той глуши мож-

но дивизию спрятать и никто не узнает. И не важно, что будет дальше, главное чтобы ты жил. Понимаешь? Сынок, ты понимаешь меня?

Я не мог ему ответить. Просто слова застряли в горле. В голове не укладывалось: мой отец — дезертир. Мой! Отец!! Дезертир!!!

— Папа, — вырвалось у меня, — но ведь ты присягу давал.

— Да пусть они подавятся своей присягой! — рыкнул отец, — Они не могут заставить меня отдать им своего единственного сына.

— Папа, но ведь нельзя так — страна в опасности....

Отец вдруг резко вывернул руль, и мы соскочили на обочину, под кроны деревьев. Машина дёрнулась и остановилась. Отец повернулся ко мне:

— Сынок, да ты что? Причём здесь Родина? Через пару часов нашу часть повезут на смерть. И вместе с солдатами — их семьи. Жён, матерей, детей. Какая Родина, сынок? Это обыкновенное убийство!

— Но это же взаимозачёт, папа! Наши — их! — жизни приблизят победу! Так и должно быть. Так всегда было.

— Нет! — заорал отец, — Не всегда! Твой дед сражался с оружием в руках, видя лица врагов. Он прошёл от Москвы до Берлина и вернулся. И он победил! И остался жив. А если бы он умер, то не было бы ни меня, ни тебя.

— А ты помнишь, что он рассказывал, — вспыхнул я в ответ, — про разорённые города и сёла, про разруху и голод? Про «всё для фронта, всё для победы»? Теперь-то всё совсем по-другому! Ни голода, ни разрухи, ни сирот и вдов. А всё потому, что ты и я, как твой сын, идём на смерть. Идём добровольно, чтобы наша Родина победила. Папа, это долг наш, понимаешь? Обязанность наша!

— Долг, Родина — это всё красивые слова! А ты знаешь, как всё выглядит на самом деле? Всех загоняют в большую камеру и травят газом. И вроде всё безболезненно, но видел бы ты лица людей и то, как они, лежат вповалку друг на друге.

— А то ты видел!

— Видел! И не хочу, чтобы ты оказался среди них.

— Папа, ну пойми ты, — я не знал, как ещё объяснить ему, — нельзя так. Мы должны и всё. Родина нуждается в нас.

— Знаешь что, — удивительно спокойным тоном проговорил отец, — в сорок первом году, когда немцы рвались к Москве, твой дед пошёл на фронт. Потому что Родина нуждалась в нём. Потому что его винтовка могла остановить врага. И остановила. А наша с тобой смерть кого остановит?

— Такого же врага!

— Сынок, да забудь ты про то, что тебе в школе говорили. Всё изменилось! Раньше я мог вернуться с войны. А теперь — нет. Всё, билет в один конец. Вот поэтому и решили, что семьи военных нужно вместе с ними в зачётник отправлять. Чтобы сирот не плодить да на пенсии не тратиться. Конечно! Это гораздо экономнее. Мне тоже в школе рассказывали, что высвободившиеся от военных расходов деньги помогли поднять экономику до заоблачных высот. Понимаешь, твой дед видел перед

собой врага. А что увидишь ты? Стены газовой камеры? Раньше убивали хотя бы враги, чужаки. А теперь — травят свои. Арифметика проста: кто больше собственных граждан передушит — тот и победил! Ну да, экономика в порядке, разрушений никаких — чистенькая война. Только вот что я тебе скажу, сынок: страна, которая сама — понимаешь, сама! — убивает своих граждан, не имеет права требовать верности и преданности.

Он замолчал. И у меня тоже закончились слова. Отец положил мне руку на плечо и заглянул в глаза:

— До смерти твоей мамы я ни о чём таком не думал, сынок. Но когда она погибла, что-то во мне надломилось. Я не отдам тебя им. И плевать я хотел на долг, патриотизм и Родину. Ты им — не достанешься.

Я посмотрел в его глаза и ощутил, как заплясали на кончике языка нужные, правильные слова:

— Можно я скажу?

Отец кивнул.

— Пап, на самом деле ничего не изменилось. Подожди, дай я договорю!

Отец сдержался и промолчал.

— Ничего не изменилось, — повторил я, — что тогда, что сейчас — от нас зависит победа. От каждого из нас. Чем больше людей пожертвует своей жизнью — тем вероятнее наша победа. Разве раньше не так было? Да так же, один в один так же! У кого больше солдат, то и побеждал. Да, теперь это выглядит по-другому. Но суть осталась та же.

— Нет, — медленно проговорил отец, — не та же. Твой дед сражался за Родину. А нас заставляют за неё умирать. Неужели ты не понимаешь, что это совсем разные вещи? Диаметрально противоположные!

Я промолчал. Всё равно ему ничего доказать невозможно.

Отец хотел что-то сказать, но вдруг наклонился к рулю и впился глазами в небо. Я проследил его взгляд и заметил среди облаков чёрную точку. Она быстро приближалась.

— Ну вот, сын, — сказал отец, — нас, похоже, нашли.

Точка превратилась в десантный вертолёт. Он уверенно шёл в нашу сторону.

Отец сунул руку во внутренний карман и достал что-то металлическое. Я изумился — он держал пистолет. Я такой видел только в кино про войну.

— Трофей, — пояснил отец. — Называется «Парабеллум». Твой дед с войны принёс. Когда проходило разоружение, дед его спрятал. Потом мне передал. А я хотел тебе оставить.

— И что ты собираешься делать? Это же...

— Ну да, — согласился отец, — это боевое оружие. А у них там — парализаторы. Повоюем? По-настоящему?

— Пап, ты что? Ты же убить можешь.

— Не просто могу, сын, — оскалился отец. — Буду. Я не дам нас захватить.

Он открыл дверцу и выкатился из машины.

— Папа, стой!

Отец прижался к стволу сосны, прячась под кроной. Вертолёт прошёл совсем низко, почти над самыми деревьями. Я смог разглядеть эмблему внутренних войск и лица десантников, выглядывавших из дверей.

Нас тоже заметили. Вертолёт сделал круг и завис над деревьями. С него упали верёвки, по паре с каждого борта. Отец перехватил пистолет двумя руками и прицелился, но клубившаяся пыль мешала ему. Он сплюнул, и отступил чуть дальше в лес. Я сидел окаменевший, не зная, что делать и как поступить.

По верёвкам заскользили десантники. Как только первый из них достиг земли, отец выстрелил. Боец схватился за правый бок и повалился наземь.

Отец перебежал к другому дереву и снова выстрелил — ещё один десантник упал в пыль.

Солдат это не остановило. Они продолжали спускаться, а уже высадившиеся укрылись за машиной. Отец не стал стрелять, боясь задеть меня, и десантники воспользовались этим — вскинули парализаторы и прижали его очередями к земле. Шарика с парализующим составом шлёпали по деревьям, лопались, забрызгивая всё вокруг яркой оранжевой краской. Отец пытался отползти дальше в лес, но десантники стреляли слишком часто, и ему оставалось только плотнее вжиматься в землю.

Моя дверца распахнулась, и меня буквально вырвали из машины. Я упал на землю, уткнувшись в пыль и сухие иголки. Кто-то придавил меня коленом и левую руку обжег укусом карманного парализатора. В глазах сразу потемнело, уши заложило ватой, и я провалился в тёмную бездну.

Резкий запах ударил мне в нос. Я затряс головой, пытаясь отвернуться от источника запаха, и получил несильную оплеуху.

— Он очнулся, товарищ капитан.

Я открыл глаза. Передо мной сидел на корточках прапорщик с флаконом нашатыря. Военный ещё пару раз шлёпнул меня по щекам и отошёл.

За спиной я услышал голоса:

— Как там наши раненные? Есть сведения?

— Так точно, товарищ капитан! Уже оперируют. Врачи говорят — опасности для жизни нет.

— Хорошо, сержант. Что с машиной?

— На подходе, товарищ капитан.

— Оставайтесь на связи с ними, поможете найти дорогу, если что.

— Есть!

Я попробовал встать, но ноги не держали, и пришлось остаться сидеть, опираясь на колесо машины. Передо мной остановился крепкий молодой мужчина.

— Ты, я так понимаю, был заложником? — начал он без предисловий и представления.

Я хотел объяснить, что это не так, но язык работал плохо — получилось только промычать что-то невразумительное.

— Ладно, следствие разберётся, — махнул рукой капитан. — Сейчас прибудет машина, а пока отдыхай.

Он поднялся.

— Кстати, мужик этот, который тебя захватил, дуба дал. Ребята ему слишком много парализатора всадили от злости, что он наших подстрелил. Вот сердце и не выдержало. И откуда у поганца оружие настоящее было? Ты не в курсе?

Я не ответил. Потому что мир в один момент перевернулся и погас. Из глаз сами собой потекли слезы. Капитан, не сказав ни слова, отошёл.

За моей спиной, в салоне, кто-то включил радио:

«Сегодня, в шесть часов утра по московскому времени, Евросоюз предложил объявить перемирие и сесть за стол переговоров. Наш президент предложение принял. Переговоры состоятся через два дня в Москве. В связи с этим, все намеченные на сегодня операции взаимозачёта отменены.

Об авторе

Молодой писатель-фантаст Алесь Куламеса родился в Минске.

С 2005 года живет в Москве. Работает преподавателем

в корпоративном учебном центре.

Публиковаться начал в 2004 году. Рассказы печатались в журналах «Техника-молодежи»,

«Реальность фантастики», «Мир фантастики», «Дарьял» и др.,

в сборнике «Миры Ника Перумова. Хьёрвард» (2005).